

ЧЕМ КРАСНЕЕ, ТЕМ БЛАТНЕЕ: ВЛАСТНЫЕ МИРЫ ЖЕНСКИХ КОЛОНИЙ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Ирина Лисовская

Ирина Лисовская, Центр молодежных исследований; департамент социологии, НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Союза Печатников, 16, Санкт-Петербург, 1900121, Россия. ilisovskaya@hse.ru.

Статья подготовлена по материалам международного проекта «In the Gulag's Shadow: Producing, Consuming and Perceiving Prisons in the Former Soviet Union». Автор выражает благодарность коллегам – участникам этого проекта с российской стороны: Елене Омельченко, Искандеру Ясавееву, Алене Кравцовой, Юлии Епановой, Дмитрию Омельченко, вовлеченным в полевую, аналитическую, управленческую части исследования, а также благодарит за огромную помощь и поддержку коллег из Казахстана и Великобритании Гэвина Слейда и Лауру Пьячентини.

В статье рассматриваются крупнейшие и похожие пенитенциарные системы двух государств, бывших ранее республиками Советского Союза, – России и Казахстана – в контексте изучения властных измерений в современных женских колониях. Через призму женского опыта отбывания наказания автор анализирует иерархии среди женщин-заключенных, особенно выделяя имеющих статус и власть в колонии, делегированную администрацией для поддержания порядка. Задача этой статьи в том, чтобы показать, как женщины в заключении создают внутренний порядок со своими механизмами получения, удержания и перераспределения властных полномочий, и выяснить, какую роль в тюремных властных измерениях играет женская телесность. В тюремных исследованиях агенсу заключенных рассматривается в основном в фокусе сопротивления режиму. С опорой на гендерную оптику и фукинианскую традицию понимания природы власти в тюрьме в статье анализируются типы агенсу, не вписывающиеся в понимание сопротивления режиму в заключении. Для анализа используются материалы 29 глубинных интервью с бывшими заключенными женщинами (19 интервью были взяты в России, 10 – в Казахстане), заставшими важные трансформации режимов содержания осужденных, которые происходили в пенитенциарных системах России и Казахстана в конце 2000-х и в 2010-х годах. Автор выделяет несколько типов агенсу женщины в колонии, обусловленных внутренним неравенством заключенных, которые работают на тюремную администрацию.

Ключевые слова: агентность; заключенные; женщина в тюрьме; женское тело; властные структуры

Одной из ключевых оптик, в которых рассматривалось женское заключение в западной традиции, например, в 1980-е или 1990-е годы, был акцент на стигматизации и виктимизации женщины в тюрьме или после нее (Carlen 1983; Pollock-Burne 1990; Richie 1995). Обращаясь к гендерным измерениям тюремного порядка, современные исследователи стремятся перейти от проблематизации стигмы и травмы к дебатам о реализации агентности (agency) в тюрьме как взаимодействий заключенных друг с другом и с тюремной администрацией, в результате которых воспроизводится структура с патриархальным гендерным режимом. Феминность в целом и в особенности потребности женского тела в тюрьме являются предметом пристального внимания администраций и других статусных заключенных – это обстоятельство отмечают такие исследовательницы, как Елена Омельченко (Omelchenko 2016), Анжела Кинг (King 2004), Мэри Босворт (Bosworth 1996, 1999), – тем не менее женщины находят возможности проявлять свою волю. В многочисленных исследованиях находят все новые и новые неожиданные формы, в которых заключенные-женщины выражают протест тюремному режиму, несмотря на строгий контроль (Balfour 2018; Fili 2013; Kruttschnitt and Gartner 2005; Liu, Chui, and Hu 2019; Rowe 2011, 2016). Гендерная оптика стала одним из важных аспектов обсуждения проблемы агентности в заключении. Однако большее внимание социологов и криминологов сфокусировано на агентности как способности заключенных трансформировать структуру тюрьмы через методы и формы сопротивления официальному режиму (Bosworth and Carrabine 2001; Scraton 2016). Сам концепт агентности – agency – стал использоваться исследователями тюрем как синоним феномена сопротивления заключенных установленным администрациями режимам (Rubin 2017). Уравнивание агентности и сопротивления приводит к тому, что упускаются из виду более-менее очевидные тактики и стратегии заключенных, позволяющие сохранять способность к действию и свою волю, такие, например, как стратегии минимального сопротивления, о которых пишет Томас Угельвик (Ugelvik 2011, 2014), или поддержки официального тюремного режима. Agency не всегда равно сопротивление.

В данной статье речь идет о двух кейсах – женских колониях России и Казахстана, – и это особый случай, омраченный тенью ГУЛАГа. В сталинских лагерях на территории бывшего СССР практиковались формы контроля политических заключенных, основанные на передаче официального курса власти администрации лагеря лояльным группам заключенных из числа людей, прибывших по уголовным статьям. Данная практика прижилась на постсоветском пространстве и после распада Советского Союза (Омельченко 2012) и даже стала применяться как официальный властный режим уже в отношении ко всем группам заключенных. Сегодня в большинстве российских женских колоний доминирует власть администрации, которая для контроля использует самих заключенных, готовых работать на нее. Такой формат надзора оставляет мало возможностей остальным заключенным для заметных и гласных форм сопротивления, хотя даже здесь их можно обнаружить, как, например, в поисках женщинами интимного пространства (Bosworth 1999; Moran, Pallot, and Piacentini 2013). За место в административной вертикали власти идет серьезная конкуренция среди заключенных, поскольку основной смысл

власти в данном случае – более комфортная жизнь в колонии, возможность управлять и выделяться из общей массы, а также право на исключенную, по большей части, из пространства колонии феминность. Там, где присутствует конкуренция за власть, соответственно, есть механизмы распределения власти, ее удержания и борьбы, конструирующие уникальные властные миры в колонии. При этом исследования постсоветских женских колоний, в которых раскрывались бы властные измерения и структуры, воспроизводимые заключенными, работающими на тюремную администрацию, немногочисленны. Таким образом, статья отвечает на следующие исследовательские вопросы: как в женских колониях России и Казахстана распределена официальная власть администрации между заключенными и какие типы агенсу производятся заключенными; как заключенные, включенные в поддержку формального режима, получают власть и привилегии, конкурируют и поддерживают свой властный статус. Задача этой статьи – показать, что заключенные-женщины являются агентами тюремной структуры, своими действиями в борьбе за власть создающими внутренний уклад жизни в системе (имеется в виду властный режим и практики встраивания в него) с особыми механизмами получения, удержания и перераспределения властных полномочий.

AGENCY В ТЮРЬМЕ: СТРУКТУРА, ВЛАСТЬ, ТЕЛЕСНОСТЬ

В человеческих действиях, как указывает Энтони Гидденс, рождается структура, наполняемая особыми законами, ценностями и порядками. Гидденс (Giddens 1979, 1984) отмечает, что само действие, воспроизводящее структуру, обуславливается мотивом и рефлексивностью, то есть умением дать ему оценку. Действие отвечает также трем смыслам: оно ограничено временем, опорой на прежние структуры и знанием, как нужно действовать в тех или иных обстоятельствах (Poole, Seibold, and McPhee 1985). То есть действие – это довольно широкий концепт, и можно задаться вопросом: что действием считать нельзя. Исследователи тюрем под действием заключенных чаще всего подразумевают их способность бросить вызов системе, то есть способность сопротивляться (Rubin 1996; Sparks, Bottoms, and Nau 1996), остальное многообразие действий исследователи часто выпускают из виду. Однако действия и агентность заключенных намного разнообразнее даже в тотальных институтах.

В широком смысле агентность (agency) интерпретируется как возможность человека действовать в рамках конкретной институции. Исследование Алейны Занин и Камерон Пирси на примере моделей оказания психиатрической помощи показывает, что сами получатели услуг могут воссоздавать, изменять и присваивать структуры в целях улучшения функционирования потребительских групп (Zanin and Piercy 2019). Похожее происходит и в колониях. Во взаимоотношениях администрации и заключенных воссоздается и изменяется социальная структура как организующая сила порядка (Rubin 2017).

Для более четкого определения структуры я обращусь к трактовке Эшли Рубин (Rubin 2017), которую она использует в своих исследованиях тюрьмы и которая опирается на идеи Вильяма Сьюелла (Sewell 1992). Структура в данном слу-

чае – это силы и паттерны, внешние по отношению к заключенным (например, используемые тюремными администрациями), структурирующие жизнь заключенного и создающие свой уникальный миропорядок (Rubin 2017:644–645). Данный подход позволяет объяснить, как во взаимодействиях с администрацией заключенные не просто сохраняют свое право на действие и выбор, а производят собственные властные паттерны в отношении других заключенных, изменяют структуру, при этом не прибегая к явному сопротивлению. Одним из ключевых элементов этих взаимодействий является сам феномен власти администрации, который и определяет все возникающие формы агенсу заключенных.

По Мишелю Фуко власть – это не привилегия, а «вечное сражение» (Foucault 2012), власть исходит отовсюду и не может принадлежать одному субъекту или группе. Власть в российских колониях находится в руках администрации, что особенно актуально для женских колоний (Омельченко 2012; Pallot et al. 2012). Однако вертикали власти в колониях выстраиваются разными способами и не ограничиваются властью администрации (Олейник 2001; Омельченко 2016). В постсоветских колониях есть группы заключенных, имеющие притязания на власть администрации, которая делегирует некоторым заключенным-посредникам отдельные властные полномочия, заточенные на унижение человеческого достоинства и поддержание порядка через насилие. Данная форма власти заключенных над заключенными как практика укоренилась в ГУЛАГе (Омельченко 2012; Pallot 2005, 2015) и существует до сих пор, как подтверждают современные исследования российских тюрем (Олейник 2001; Омельченко 2012, 2016; Omelchenko 2016). Заключенные, включенные в официальные режимы и структуры управления колонией, пытаются удержать власть, закрепить свое положение. Другие группы арестантов могут конкурировать с ними, наводить страх на власть имущих, а значит, в каком-то смысле иметь власть по отношению к ним и их страхам ее потерять.

С одной стороны, основная масса заключенных – это те «послушные тела», о которых пишет Фуко. Тем не менее заключенные, узнавая систему, находят место для своих властных притязаний. И этот тезис пересекается с утверждением Доминик Моран, Джудит Пэллот и Лауры Пьячентини, согласно которому заключенные, подчиняясь официальному режиму, скорее демонстрируют покорность, чем производят ее в действительности (Moran et al. 2013). В своих действиях они руководствуются разными интересами. Например, власть обещает заключенному более комфортную жизнь и положение в колонии, возможность выделиться среди общей массы и создавать свои правила в отношении других (Олейник 2001; Touraine and Oleinik 2003). Соответственно, агентность заключенных необязательно сводится только к тактикам сопротивления режиму, а представляет собой более многомерное измерение тюремного опыта, в особенности если рассматривать заключенных через призму властных отношений с администрацией и друг с другом. Однако возможности и репертуар проявления агентности всегда будут привязаны к структуре колонии, которая воссоздается через те или иные властные паттерны. Если сами заключенные перенимают полномочия администрации по контролю колонии, то они также могут изменять структуру и создавать свои

властные паттерны в отношении остального большинства «жителей» колонии. В этой статье я фокусируюсь преимущественно на женских колониях и на том, как выстраиваются структуры с агенсу, когда сочетаются власть и телесность.

Женская колония – место, где слишком мало пространства для частного и интимного, тем не менее заключенные его находят (Moran et al. 2013; Omelchenko 2016), в том числе благодаря своей воле, действиям и внутренней структуре колонии. Женское тело в колонии находится под пристальным контролем администрации, женские потребности притесняются, исключаются, женское тело редуцируется до состояния бесполого «послушного тела» (Bosworth 1999; Moran, Pallot, and Piantentini 2009). Кинг отмечает, что в фукинианской традиции понимания власти упускается значение гендера и то, как тюремщики пытаются сделать женское тело послушным (King 2004). Исследовательница тюрьмы Тереза Миллер также подчеркивает особую роль гендера во взаимоотношениях тюремных администраций и заключенных; гендер предопределяет агентность женщин в тюрьме (Miller 2000, 2001). В тюрьмах женское тело часто используется как объект наказания и давления на женщину. В академической литературе описано много случаев ограничения женщин в бытовых практиках, лишения гигиенических процедур (Moore and Scraton 2014). Даже само время может использоваться в тюрьме как инструмент давления на женщин, переживающих возрастные и гормональные изменения. Колония как машина времени, в ней старение происходит быстрее (Wahidin and Tate 2005). Однако сами женщины превращают собственное тело в инструмент сопротивления. Так, например, женщины могут сопротивляться тюремному режиму при помощи менструаций. В феминистских исследованиях вызывает дискуссию исторический случай, известный как «протест без стирки», произошедший на севере Ирландии. Надзиратели-мужчины жестко контролировали менструации заключенных женщин, при этом лишая их гигиенических практик в качестве наказания, поэтому менструальная кровь буквально стала средством давления на общественность и государство (O’Keefe 2006; Wahidin 2019). В современности тюремные администрации также пристально надзирают за менструациями заключенных, контролеры могут устраивать рейды и проверять простыни (Omelchenko 2016). Описанные примеры показывают, что в системе женских тюрем упрямо воспроизводятся патриархальные режимы, контролирующие женские тела. Эти режимы поддерживают устойчивые конструкции женственности и «должного» женского поведения (Bosworth 1999; Malloch 1999), при этом условия заключения отнюдь не всегда принимают во внимание женскую физиологию. Как отмечает Доминик Моран, даже если в колонии создана минимальная инфраструктура для поддержания женского тела в здоровом состоянии, администраторы тюрем все равно находят способы ограничить женщин в праве на тело, а последствия этого ущемления сохраняются даже после освобождения. Так, тюремный контроль тела выходит за пределы колонии, оставляя на теле следы, по которым бывшая заключенная и ее история могут быть деанонимизированы в обществе (Moran 2014). Властными структурами тюрьмы контролируется также женская сексуальность (Mehta 2014; Omelchenko 2016) и романтические и сексуальные отношения между самими заключенными (Gorga 2017). Известно, что, например, в

России нередко в колониях за женщинами надзирают мужчины, они же занимают большинство высших должностных постов. Необходимо вспомнить так называемые Бангкокские правила¹, к которым присоединилась Россия, однако их часто игнорируют на местах.

Тотальный институт, в данном случае – колония, ограничивает право человека на независимость и собственную волю (Goffman 2007). Проявления воли и активное действие, как, например, огласка случаев применения насилия к заключенным за пределами стен колонии или другие формы сопротивления (Scruton 2016; Symkovych 2020), являются угрозой для сложившейся системы, и тюремные администрации пресекают подобную активность, зачастую применяя насилие. Тем не менее даже в рамках жестко контролируемой системы у заключенных в колониях остается возможность для действия в пространстве повседневных практик (Ghorashi, De Boer, and Ten Holder 2018; Omelchenko 2016; Pallot, Piacentini, and Moran 2012; Symkovych 2020) – практик «микросопротивления», отличающихся от сознательных подрывных действий, или – в терминологии Эшли Рубин – friction (трения) (Rubin 2015:24). Agency может выражаться не только в открытых формах сопротивления режиму (Bosworth and Carrabine 2001), например, таких ярких, как голодовки или бунты (Carrabine 2005; Reiter 2014), но и в менее очевидных способах (Bosworth 1999; Crewe 2007; Liu et al. 2019; Rubin 2015, 2017; Ugelvik 2014).

Женская тюрьма как пространство для реализации агентности имеет сложную структуру. В нее встроены многомерные властные измерения между женщинами и администрацией, женщинами внутри колонии. Эти сложные взаимоотношения как значимую категорию и единицу властных измерений включают также телесность. Телесность включена в структуру женской колонии в двух основных смыслах: как контроль над женским телом в заключении и как отношения женщин с собственным телом в контексте отстаивания границ своего тела и/или получения права на него. Учитывая сложность властных отношений в женских колониях и большую значимость телесности в них, очень сложно интерпретировать agency заключенных женщин исключительно в повседневных «трениях» – тактиках сопротивления – без альтернативного видения ситуации. Если отношения заключенных с администрацией рассматриваются в научных исследованиях тюремного agency как трения, то что тогда интерпретируется как пассивное поведение? Женщины в заключении могут демонстрировать покорность, выполняя формальные правила режима в заключении (Moran et al. 2013), однако существует ряд альтернативных проявлений agency заключенных, связанных именно с амбивалентностью отношений заключенных и тюремных администраций, в которых большую роль играет гендер и право женщины на собственное тело. Также важно учитывать и желание женщин выделиться на фоне других, занять более высокое положение, создавать свои правила порядка и распространять их на других заключенных.

---

¹ Правила Организации Объединенных Наций по обращению с женщинами-заключенными и мерам, не связанным с лишением свободы, для женщин-правонарушителей. Свод правил направлен на регулирование условий и стандартов содержания женщин в заключении с учетом женской физиологии, а также предупреждение сексуального насилия в отношении женщин.

AGENCY ЖЕНЩИН В КОЛОНИИ: АЛЬТЕРНАТИВЫ СОПРОТИВЛЕНИЮ

В качестве альтернативы западной традиции пенологии о агенсу в колониях я попытаюсь показать, как агенсу может проявлять себя в посткоммунистической системе в силу особенностей структуры тюрем и колоний и внутренних режимов постсоветской тюрьмы.

В отличие от Рубин (Rubin 2017), которая определяет структуру как властные силы, паттерны, внешние по отношению к заключенным, то есть исходящие от администраций колонии, я полагаю, что структура – это также и внутренние паттерны, которые производятся самими заключенными в колонии. В данном случае структура через внутренние паттерны проявляется в отношениях самих заключенных – как тех, кто наделен властью, так и тех, кто ее не имеет. Их взаимоотношения иерархизированы настолько, что одни женщины имеют право распоряжаться судьбами других – лишать условно-досрочного освобождения (УДО), писать доносы, «наказывать» и «миловать», возвышать одних над другими (делать своими приближенными). Администрация тюрьмы становится как будто номинальной, власть получают «осужденные менты»², творящие насилие за нее.

Я выделяю два уровня власти в среде заключенных. Данная структура является продуктом действий двух важных вовлеченных агентов – администрации, запускающей внешние властные паттерны, и заключенных, находящихся близко к администрации и производящих собственные властные паттерны (внутренние). Первый уровень представлен заключенными «небожителями», возвышающими себя над всеми другими. Второй уровень – «среднячки», находящиеся в промежуточном звене между элитой колонии и основной массой заключенных. Все заключенные, включенные в структуру самоуправления колонией, получают доступ к благу – дефицитным ресурсам, возможностям жить комфортнее, чем другие заключенные, и самое важное – праву на свое тело. У заключенных первого уровня блага может быть значительно больше, чем у заключенного второго уровня. Самое главное отличие этих уровней друг от друга – в неравных возможностях производить собственные властные паттерны в отношении других заключенных. На основании этого можно выделить два типа агенсу заключенных. Третий тип я рассматриваю отдельно.

Первый тип: агенсу как возможность заключенных производить собственные (внутренние) властные паттерны. Этот тип перекликается с «господством» и «легитимацией» по Гидденсу (Giddens 1979, 1984) и, с одной стороны, является их производным. Заключенные первого ранга «небожителей» получают больше всего ресурсов и господствуют над другими заключенными, при этом власть делегируется им администрацией, легализующей их право на насилие. С другой стороны, отношения заключенных и администраций имеют двойственный характер. Администрация стремится стать номинальной, выйти за рамки создаваемой структуры и переложить всю власть на «осужденных ментов», которые заменят ее и будут

---

² Сленговое выражение, означающее женщин из числа заключенных, работающих на администрацию.

даже более жесткими контролерами в колонии, чем те, кто в погонах. Поэтому заключенные, которые производят собственные властные паттерны в колонии, все равно оглядываются на администрацию, боясь утратить легитимность собственной власти. Тем не менее они – акторы, имеющие больше всего блага и власти над другими заключенными.

Второй тип: агенсу как право на тело и феминность. Здесь я хочу подчеркнуть, что к этому типу я отношу заключенных, занимающих ранг «среднячков». Получая эти места, они пользуются благом и ресурсами, которые дают право на собственное тело и комфорт, с ним связанный, скорое УДО, регулярные свидания и лучшее питание. Эти же привилегии имеют и заключенные первого ранга, но в более расширенных вариантах. Однако у женщин из «среднячков» сильно ограничены возможности производить властные паттерны в отношении других заключенных.

Третий тип: агенсу как борьба за власть. Как уже отмечалось, по Фуко (Foucault [1977] 1995) власть – это не привилегия, а вечное сражение. В колонии чаще всего борются за ресурсы и статус, которые власть гарантирует. Речь идет не только о наличии материальных ресурсов, повышающих качество жизни в заключении, но также и о возможности диктовать свои правила другим и осознанной стратегической борьбе за это (например, о том, чтобы «подставлять» своих благодетелей, и так делящихся материальными ресурсами, чтобы занять их место и подняться в иерархии). Все это агентные действия, структурирующие отношения в среде заключенных в колонии. Женщины, имеющие положение, боятся потерять собственное место, поэтому находятся в состоянии постоянной конкуренции с другими, занимающими более низкое положение. Женщины, не включенные ни в один из рангов, точно так же конкурируют с теми, кто имеет даже незначительный блат. Конкуренция и борьба дают им не только материальные ресурсы, но и право на тело, проявление собственной воли, возможность дальнейшего повышения в иерархии.

Сама природа власти администрации создает многомерные структуры и агенсу заключенных. Структурой на примере колоний, в которых идет конкурентная борьба между заключенными за власть администрации, я называю совокупность ресурсов, внешних и внутренних властных паттернов, которые производят как сами заключенные, так и заключенные и администрации в контакте. Агенсу логично будет называть действия заключенных, создающие эту структуру, но эти действия тесно связаны с мотивом получения блага и прав на собственное тело в заключении, конкурентоспособностью заключенной в борьбе за эти ресурсы, а также способностью к производству собственных властных паттернов.

МЕТОДОЛОГИЯ

В этой статье используются интервью с бывшими заключенными из России и Казахстана, собранные в рамках международного проекта «In the Gulag's Shadow: Producing, Consuming and Perceiving Prisons in the Former Soviet Union». Россия и Казахстан были выбраны как страны, имевшие обширную сеть учреждений ГУЛАГа.

География исследования – шесть населенных пунктов. В России – Санкт-Петербург, Москва, Томск и Ухта; в Казахстане – Караганда и Астана. Все они являются центрами притяжения бывших заключенных, так как вокруг этих городов сосредоточено значительное число пенитенциарных учреждений.

В статье я опираюсь на интервью с 29 женщинами (в России было взято 19 интервью, в Казахстане – 10), имеющими опыт заключения. Полевой этап исследования проходил с лета 2019 года по июль 2021 года. Средняя продолжительность интервью составила около 120 минут. Выборка не была жестко ограничена годами или периодами заключения женщин. Наши информантки чаще всего отбывали наказание неоднократно (таких женщин было 16 в российской выборке, семь – в казахстанской) и застали разные этапы развития пенитенциарной системы; большая часть женщин имеет опыт (или один из опытов) заключения в период 2010–2019 годов, девять информанток имеют опыт(ы), пришедшийся(-еся) на 1990-е и 2000-е (из них как минимум три женщины отбывали наказание и в 2010-х годах). Возраст информанток на момент интервью составлял от 30 до 55 лет, первый опыт наказания в большинстве случаев был пережит между 25 и 35 годами. Большинство женщин было осуждено по «наркотическим» статьям или по статьям, связанным с кражей; около пяти информанток из общего числа были осуждены за убийство или причинение телесных повреждений.

Транскрипты строго анонимизированы, а интервью проходили с учетом этических правил и требований. Вначале интервьюером зачитывалась форма согласия, включавшая более 10 пунктов персональных разрешений и согласий информанта, также проговаривались особенности работы с материалом интервью, информанта знакомили со сведениями о проекте. Интервью чаще всего проходили в непубличных местах, удобных информанту. Гайд интервью включал темы организации тюремного быта в разные временные этапы следственных изоляторов и колоний, на которые пришлось женское заключение, причины заключения и уголовный процесс, иерархии взаимоотношений между разными статусными группами заключенных и администрацией, рефлексия о справедливости и несправедливости заключения. Ретроспективный характер интервью в данном случае является ограничением исследования. Но основная причина выбора в качестве информантов именно бывших заключенных продиктована закрытостью уголовно-исполнительной системы. Такая необходимость объясняется также дизайном проекта, в рамках которого выполнялось исследование тюрьмы, в том числе изучалось ретроспективное видение бывшими заключенными произошедших изменений.

Женщины с опытом заключения в России и Казахстане – одна из самых стигматизируемых и исключенных групп. В целом бывшие заключенные как группа почти полностью выпадают из социальной политики и программ помощи наиболее уязвимым слоям населения. Женщины после заключения оказываются даже в большей изоляции, чем мужчины, потому что тюремное заключение само по себе идет вразрез с общепринятыми в российском и казахстанском обществе концепциями женственности, основой которых являются и патриархальные взгляды на женскую роль в обществе. В большинстве случаев они не готовы даже анонимно

говорить на тему тюремного заключения из-за страха быть раскрытыми. Рекрутинг женщин на интервью был крайне труден, исследователям пришлось задействовать разные каналы поиска. Самым эффективным оказался поиск через некоммерческие организации (НКО). Чаще всего исследователи обращались в НКО, занимающиеся помощью детям и женщинам, и в протестантские общины, профиль работы которых связан с реабилитацией людей с наркотической или алкогольной зависимостью. Стоит отметить, что женщин с опытом заключения было немного и здесь. Лишь в двух случаях сработал метод «снежного кома», так что можно сказать, что в целом эта стратегия рекрутинга оказалась самой неэффективной.

КОНТЕКСТ: БЫТ, РЕЖИМ И ЖЕНСКОЕ ТЕЛО В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Прежде чем приступить к анализу распределения власти в современных женских колониях России и Казахстана, я хочу познакомить читателя с контекстом. Что же вообще происходит в колониях? Бытовые и режимные условия содержания заключенных прежде всего сказываются на состоянии и здоровье женского тела. Бытовые условия включают питание, внешнее и внутреннее состояние тюремных помещений. К режимным условиям я отношу формы и методы контроля заключенных, (не)возможности черных рынков в колониях. В разные периоды развития пенитенциарных систем после распада СССР, начиная с 1990-х годов и заканчивая современностью, все эти условия серьезно трансформировались в лучшую или худшую сторону. Я не ставлю задачу документировать произошедшие изменения в системе, а раскрываю именно субъективные ретроспективные ощущения женщин, то есть как они сами, в особенности их тела, физически и ментально ощущали перемены. В этом разделе я хочу также показать, как ощущаются женщинами современные условия содержания заключенных, установившиеся в колониях России и Казахстана после 2010-х годов. Для того, чтобы подчеркнуть современный опыт, в некоторых пунктах я обращаюсь к предыдущим этапам развития пенитенциарных систем – 1990-м и 2000-м. Несмотря на то, что я фокусируюсь на некоторых аналогиях систем³, связанных с телесным опытом самих заключенных, я принимаю во внимание, что это разные страны, пенитенциарные системы которых с точки зрения механизмов правоприменения и иных юридических нюансов на протяжении вот уже 30 лет идут своим путем.

ПИТАНИЕ

Женщины, отбывавшие наказание в российских колониях, говорили нам о том, что у них были возможности питаться полноценно не только благодаря собственным ресурсам (покупки в магазине, передачи, обмен), как раньше, но и в столовой колонии. Эти улучшения в питании заключенных, по ощущениям самих заключен-

---

³ В данном случае я не пытаюсь сравнивать, документировать или обобщать практики уголовно-исполнительных систем разных стран, однако стоит подчеркнуть, что гулаговское прошлое оставило свой след в культурных, режимных и бытовых особенностях развития постсоветских систем, порождающий специфические отношения между заключенными и администрациями, а также во многом определяющий типы агенсу заключенных.

ных, произошли ближе к 2010-м годам. Информантка из Москвы сравнивает разные периоды своего заключения и даже отмечает определением «домашнее» питание в колонии во второй половине 2010-х годов, когда оно было, по-видимому, улучшено:

Разнообразие. Да, вот на [колония в Московской области] в чем отличие, да, ну, вот еда, да. Я удивилась вообще, я туда приехала, мы в карантин попали и. . . , то есть нам приносят, да, прям домашнюю еду, там, котлеты, там, ну там, я не знаю, гречку, например, я не помню, чего там было. Как бы суп вообще адекватный после, ну, как бы после первого раза вот этого [после заключения в начале 2000-х гг.], как вспомню, чапики [соевые сосиски] там эти плавают, там сечка, может быть, с вечера, которая варилась, туда же все, как-то не знаю. Ну, есть невозможно там было еду, в общем, чем-то придумывали, ну, всегда. А тут домашнее, я думала нас откармливают, я думала (Тамара, Москва, 33 года).

Отбывавшие наказание в Казахстане также отмечают, что питание в современных колониях калорийно, разнообразно и регулярно, но вкусовые качества пищи при этом низкие:

Да, там что было, ничего не было съедобного, ну, конечно, единственное знаете, что я могу сказать, кормили, и порции хорошие были, и все, с голоду там никто не пух, пусть они невкусно готовили, но еда была. [. . .] Пусть невкусно, но если ты кушать захочешь, ты покушаешь, опять же если у тебя ничего нет [если не передают посылки], ты покушаешь. Ты будешь сытый (Валерия, Караганда, 55 лет).

В колониях в 2010-х годах, как отмечают казахстанки, уже нет голода, который в нарративах подается как легенда о былом ужасе. Колонии находятся в степях, и доставка продуктов питания, особенно зимой, сильно усложнена и требует серьезных затрат, поэтому, например, в 1990-х годах заключенные голодали. Даже в 2000-е здесь еще существовал отряд заключенных с дистрофией.

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ И ВНЕШНИЙ ВИД КОЛОНИЙ

Бытовые условия в российских колониях, по впечатлениям заключенных, в 2010-х годах стали значительно лучше в сравнении с другими периодами; особенно это подчеркивают женщины, заставшие колонии 1990-х и 2000-х. В некоторых (но далеко не во всех) колониях появляется отсутствовавшая ранее горячая вода, в бараках – отопление, туалет, спальные места, комнаты питания:

Сейчас, конечно же, быт обустривают, а тогда. . . Холодная вода, было такое, что и на улице подмывались, выходили просто в туалете над дыркой. И такой туалет был. Сейчас сделали другой, теплый туалет с унитазами. Ну, сейчас уже, ну, XXI век, а было всякое. И умывались на улице, и всяко было, и чай пили на улице, и ели на улице, потому что в отряде там либо места мало (Екатерина, Томск, 41 год).

В Казахстане инфраструктура колоний тоже благоустраивается и преобразуется внешне. Изменения внешнего вида колоний происходят начиная с конца 2000-х годов, в особенности в колониях, расположенных рядом с крупными городами: «Ну кардинальные изменения произошли в 2010 год в [город в Казахстане], я как раз освободилась. . . то есть ну вот эта благоустройство территории, ну там есть волейбольное поле, такие какие-то моменты, клумбы, цветы рассаживать, деревья белить, уголь кидать. В общем, вот такие моменты» (Гульшат, Астана, 53 года).

РЕЖИМ

Во многих колониях в 2010-х годах по субъективным ощущениям женщин ужесточаются правила внутреннего распорядка, установленного нормативно-правовыми актами. Контролируются все сферы жизни заключенного – уборка постели, форма одежды, распорядок дня, любые модификации внешности под запретом. Фактически за любые отклонения от правил внутреннего распорядка во внешнем виде или обустройстве своего спального места можно получить дисциплинарное взыскание (например, штатный сотрудник или надзиратель из числа заключенных подает рапорт о нарушении своему руководству), которое вносится в личное дело и препятствует УДО. Чем больше рапортов, тем меньше возможность «уйти по УДО». За нарушениями других заключенных следят женщины-контролеры из числа заключенных, действующие от лица администрации. Получается, что от надзора не ускользнуть никому все 24 часа в сутки:

Ты рапорт можешь получить за пуговицу. Ну, вот, за это. Ну, расстегнулась у тебя пуговица. Ты представляешь, сидела пять лет и получила вот этот рапорт. Ну, это просто ну. . . это настолько обидно. И я три раза сидела и все три раза не могла уйти по УДО. . . Там поощрение, поощрение и – хоп – какой-нибудь рапорт. [. . .] Там пятерка [наказание сроком лишения свободы на пять лет], да, и мне кажется, когда подходит УДО, у милиции цензура – надо хлопнуть этого, ну, это сами бугрыги⁴ могут дать (Александра, Санкт-Петербург, 40 лет).

Режим в казахстанских колониях очень жесткий, хотя законодательно в Казахстане предусмотрены разные практики отбывания наказания, отличающиеся от России⁵. Жесткость режима и насилие встречаются повсеместно, вне зависимости от типа колонии.

В Казахстане внутренними контролерами порядка являются сами заключенные, назначенные администрацией:

---

⁴ *Бугрыга, бугор* (жарг.) – здесь: заключенный, назначенный администрацией для контроля других заключенных; более общее значение – начальник, авторитетный человек, человек, облеченный властью.

⁵ Стоит отметить, что в российской пенитенциарной системе для женщин предусмотрены колонии общего режима. В казахстанских колониях для женщин по решению суда предусматривается заключение еще и в колониях строгого режима. И в Казахстане, и в России женщины могут отбывать заключение в колониях-поселениях.

Там заправляет всем администрация, и ну еще они ставят бугра, ну мы «бугор» зовем, они зовут «председатель коллектива отряда», ну, знаете, как не назови. [. . .] Поэтому вот они там выдвигают, сама администрация, кандидатуру, ставят на отряд, ну да, за отряд отвечать пытаются что-то, но это тоже обычный человек, та же, извините меня, зэчка (Валерия, Караганда, 55 лет).

(НЕ)ВОЗМОЖНОСТИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Под теневой экономикой или черными рынками в колониях подразумевается внутренний оборот запрещенных к хранению предметов, которые могут облегчить женщине быт в заключении. К ним относятся некоторые средства гигиены, большая часть косметических средств, медицинские препараты, неуставная одежда и белье, некоторые продукты питания, телефоны, наркотические вещества и многое другое. В российских колониях 2010-х годов жестко пресекается хранение запрещенного. Истории о «запрещенках» я слышала только от информанток, рассказывавших о колониях начала 1990-х. В 2000-е годы это если и было, то в единичных случаях. Регулярные проверки и доносы сделали теневую экономику в российских женских колониях невозможной: «У баб – нету [телефонов]. Я вас умоляю [смеется]. Нет. По одной простой той же причине, потому что бабы – они спялят и сдадут» (Дарья, Ухта, 37 лет).

В Казахстане усиление режима привело к сворачиванию внутренних черных рынков, но это произошло позже, чем в России. Некоторые женщины отмечают, что в начале 2010-х годов в колонии еще были и телефоны, и наркотики, но и они исчезли из оборота к середине 2010-х:

Информант: В зоне этой тоже очень хорошо ходили сотовые телефоны. Но помимо сотовых телефонов там, получается, были наркотики. В основном анашу, но почему-то, я не знаю, почему именно, говорят, выносили из детгородка⁶.

Интервьюер: Это какой год? Две тысячи. . .

Информант: Это 2011 год (Мария, Астана, 43 года).

В женских колониях России и Казахстана в 2010-х годах улучшаются условия содержания заключенных (питание, отчасти – санитарно-бытовые условия) в сравнении с другими периодами существования пенитенциарных систем. Однако колонии все равно далеки от идеалов и малопригодны для содержания женщин. Старый тюремный фонд (в частности, здания, построенные в СССР и в значительной степени еще во времена ГУЛАГа), аварийность многих бараков остаются острой проблемой даже на сегодняшний день. Другая сторона проблемы – режим, трансформировавшийся в жесткую практику насилия над женским телом в заклю-

---

⁶ В некоторых колониях предусмотрены условия для содержания детей в возрасте до 3 лет, если рождение ребенка совпало с отбыванием наказания матерью в колонии. По достижении трехлетнего возраста, если мать не освобождается из заключения, детей передают родственникам или в детские дома. Чаще всего присмотр и уход за детьми, поддержку гигиены в помещении осуществляют женщины-заключенные.

чении (например, ограничения в средствах гигиены, жесткий порядок соблюдения гигиенических процедур). Режим повсеместен, от него не скрыться. Администрации делегируют власть своим доверенным лицам из числа заключенных, поэтому контроль охватывает все сферы жизни женщин в постсоветской колонии и в России, и в Казахстане.

ИЗМЕРЕНИЕ БЛАТА В ЖЕНСКОЙ КОЛОНИИ

Ужесточение режимов в местах заключения перевернуло внутренние порядки в женских колониях России и Казахстана. С середины 2000-х годов ломались и изменялись смысловые значения внутреннего блата. Сейчас ключевую особенность женских колоний можно выразить словами информантки Юлии: «Потому что у женщин, короче, есть такая даже поговорка: чем краснее, тем блатнее. То есть чем больше ты там контакта, там с этими с погонами, тем тебя, там, никто не. . . ну, боятся потому что» (Юлия, Томск, 35 лет).

Заключенные, входящие в административный корпус, получают «блат» – фактически закрытые для других заключенных ресурсы. Это возвышает одних и принижает других во внутренней структуре колонии. Один из основных смыслов блата – это право на собственное тело. Женщины жалуются на то, что даже банальные повседневные гигиенические практики в условиях колонии зачастую невозможны. Однако заключенные, приближенные к администрации или занимающие какую-то «престижную» должность в колонии, могут получить доступ к реализации потребностей своего тела:

Вот кто работает в столовой, в детгородке, в кочегарке – у них обязательно баня. Я только ради бани готова была [смеется] везде работать: и в столовой, и в кочегарке, и в детгородке, лишь бы, как говорится, у меня были нормальные условия помыться. Потому что в отряде условий не было вообще помыться (Мария, Астана, 43 года).

Женщины, не имеющие блата, находятся в суровых бытовых условиях: «Ну, и вот таким вот маленьким бригадам, у них есть такой доступ, они попросят – им принесут. Ну, а обычная швея, да. Скорее всего, дела ее будут плохи» (Ирина, Санкт-Петербург, 39 лет).

«Блатная» должность при администрации дает женщине доступ к сравнительно комфортной жизни в колонии, право не только на потребности своего тела, но и на поддержание приемлемых бытовых условий:

Ну, такая работа как баня, например, элитные. . . Элитные места. Нарядка, там, у психолога, кто там работает. Это такая блатная работа, так сказать, непыльная, негрязная. Опять же, если ты живешь в первом отряде [отряд, где живут заключенные, имеющие определенный ранг в иерархии], там другие условия содержания, там не такие, как в большом общежитии. Там и стиральная машина, и бойлер (Инна, Санкт-Петербург, 33 года).

Другой важный смысл блата в женской колонии – возможность выделяться с помощью одежды, что для основной массы заключенных практически невозможно. Женщины, обладающие высоким статусом, могут подчеркнуть свое положение одеждой, например, косынками лучшего качества, новой формой по размеру, которая является дефицитом в колонии, особыми малозаметными элементами декора:

Ну и есть уже совсем какие-то вещи наглые, когда уже, то есть за пределы этого уровня и опять же кто-то может себе позволить, то есть там вот внутреннее неравенство оно очень-очень развито. [. . .] Те и те, кто работают на администрацию, тоже ходят немножечко в другой одежде, она тоже естественно нецветная никакая, но по крайней мере это уже видно, что вот это статусность показывается. И вот эта вся при помощи одежды, вот это все с разрешения администрации, и администрация позволяет тем, кто их как бы, ну немножечко подчеркивать свой статус (Ангелина, Санкт-Петербург, 42 года).

Остальной массе заключенных достается ношенная форма плохого качества, не подходящая по размеру, не приспособленная под женскую анатомию, за выдачу и распределение которой отвечают женщины-заключенные, работающие на администрацию. Эти женщины могут отбирать для себя и других заключенных с высоким статусом предметы одежды лучше, по размеру, новее, а оставшееся на складе, например, одежду больших размеров, выдавать другим заключенным:

Мы приезжаем, у тебя, допустим, там все, кроме трусов, даже могут колготки на выволочке [обыске при приезде в колонию], капронки⁷, кому-то пропустить, а кому-то – нет. Вот такие зэчки тоже, извини за выражение, пидораски. Другими словами не могу сказать. И вот они тебе выдают [после обыска в карантинной зоне] и трусы вот такие, ну, конечно, знаешь, как это идет, как всем выдается лифчик на мою голову [то есть большого размера], у меня вот нету [такой большой груди], а кому-то, может, подойдет (Зоя, Ухта, 39 лет).

Еще один важный смысл, вкладываемый в блат, связан с возможностью модификаций собственной внешности и бьюти-практиками в колонии. В большинстве женских колоний сейчас косметические средства вроде краски для волос, лаков и декоративной косметики запрещены правилами внутреннего распорядка. Однако женщины, имеющие высокий статус в колонии, могут себе это позволить.

Доступ к положению и благу дает женщинам в том числе и право на собственную сексуальность. В колониях администрация жестко контролирует романтические отношения между женщинами, но в интимную жизнь своих приближенных, как правило, не вмешивается: «Да, ну, там же еще вот эта, это же вся администрация сидит, они знают, кто, как сидит, знаешь, да. К примеру, вот, кто-то там блатной какой-то – сожители, вот, ну, живут там как-то эти лесбиянки, они [администрация] вот это ж не любят тоже и всё» (Кира, Астана, 46 лет).

---

⁷ Здесь имеются в виду унижительные процедуры обыска: когда заключенные приезжают в колонию, у них изымают все запрещенные к хранению предметы, в том числе капроновые колготки («капронки»).

Приближенность к администрации может способствовать скорейшему УДО, которое является одним из самых желанных благ в женской колонии. Поэтому УДО можно считать еще одним смыслом блага в колонии:

Я еще, видите, я по профессии парикмахер. Мне в этом отношении было легче. Меня вызвали, там, ну то, что зоновский парикмахер, ну, должен быть, да. Но я, вот, администрацию подстригла, им понравилось. Я подстригала чисто администрацию. И, ну, Вы понимаете, что подстригаю администрацию, все, у меня уже как бы зеленый свет. Находилась я там мало (Лиля, Астана, 43 года).

Однако ситуация с УДО обстоит сложнее – близость к администрации может сослужить и плохую службу. Нередки случаи, когда администрация не готова отпустить на волю ценных узких специалистов или своих доверенных лиц.

Наконец, еще один смысл блага – власть как чувство собственного превосходства над другими заключенными. Если женщина занимает какое-либо положение в иерархии, то получает доступ к власти и становится выше тех, кто ее не имеет. Заключенная буквально получает права вершителя судеб в отряде и распоряжается тем, например, кого в случае наказания «миловать» (помочь договориться с администрацией), а кого – «наказать» (не договариваться и оставить наказание неизбежным). В следующем примере женщина как раз использует свое высокое положение бригадира как посредника между администрацией и заключенными, чтобы повисить свой авторитет:

Они могли ко мне подойти и сказать, «[Марин], пожалуйста, ну, поговори там с администрацией, пусть на нас рапорт не пишут». Я могла, если я считала нужным, что человек как бы исправится и он этого достоин, то тогда я могла пойти поговорить с администрацией, чтобы на нее не писали рапорт. Вот как бы (Марина, Томск, 33 года).

Приближенность к администрации в колонии для заключенной значит очень многое. Чем выше ранг у заключенной, тем больше доступа к благу во всех смыслах, в том числе к возможностям создавать свои властные паттерны в отношении других заключенных в отряде. В следующих параграфах я постараюсь классифицировать эти ранги в женских колониях и концептуализировать их как agency.

СЛИВКИ ОБЩЕСТВА: ЗАКЛЮЧЕННЫЕ-НЕБОЖИТЕЛИ

Спектр привилегированных позиций в социальном устройстве российских и казахстанских колоний схож и при этом очень широк и крайне неоднозначен. Условно можно выделить два уровня, между которыми перераспределена власть администрации. Первый – уровень заключенных-небожителей. Это элита колонии, облеченная доверием администрации. Второй уровень – «блатные середнячки» – представлен женщинами, имеющими те или иные привилегии по рангу, но находящимися с администрацией на значительно большей дистанции.

Заведующие хозяйством (завхозы), так называемые бугры и вязаные – одни из самых привилегированных позиций в колониях. Однако сленговые названия вариативны, заключенные как в России, так и в Казахстане называют, например, завхозов бригадирами (или наоборот).

Завхозы, как правило, заведуют санчастью или баней, клубом, а то и целым баракком. Завхоз выполняет функции надзирателя от администрации – управляет другими заключенными, имеет высокий статус и особые привилегии, облегчающие собственные условия заключения и дающие чувство превосходства над другими. Так, молодая женщина из Томска рассказывает, как быстро смогла подняться в иерархии колонии до завхоза. Ее полномочия заключались в контроле порядка в бараке, за это она получала право не ходить на ежеутренние проверки:

И я сразу стала завхозом, то есть завхоз – это старшая над всеми. [. . .] Ну и все, и я хотела – ходила на проверки, не хотела – не ходила, ну, я сделала так, что администрация, инспектора плясали под мою дудку. Ну как они все понимали, что я, что без меня им будет сильно тяжело. [. . .] Все делали то, что я говорила (Марина, Томск, 33 года).

Завхоз возвышается над другими заключенными и чаще всего прямо заявляет о своей власти и особых правах, в том числе насильственными методами: «Вот я была завхозом. Попробует мне кто-то возразить. Вот там я была реально ну уже и. . . Тут я могла и рукоприкладством заняться, короче» (Варвара, Томск, 46 лет). Другими словами, завхоз создает свои собственные властные паттерны в отношении других заключенных.

Также в России и Казахстане одной из самых высоких и привилегированных позиций являются бригадиры отрядов – бугры, как их называют заключенные. В российских интервью я встречала упоминание сленгового слова «бугор», но чаще всего так называли главных на производстве или тех же завхозов (впрочем, колония колонии – рознь). В Казахстане к бригадирам причисляют не только женщин, возглавляющих рабочие бригады на производстве, бугры – это более широкое именование, охватывающее всех, кто ближе к администрации: завхозов, бригадиров, председателей отрядов и занимающих прочие должности и имеющих власть над другими заключенными:

Бригадиры отрядов, то есть это старшины, то есть не даже старшины, старшины – это уже после бригадира идет. Бригадир назывался, который занимался отрядом. [. . .] И ну вот она – как бы единственное лицо, которое вот взаимодействовало с персоналом колонии, да, с оперативниками там, с заместителем по воспитательной работе, режимной частью, с начальником колонии. То есть представляла, лоббировала интересы отряда, ну так скажем, в кавычках, конечно, в свою пользу (Гульшат, Астана, 53 года).

Бугры, как и завхозы, получают фактически безграничную власть над другими женщинами в колонии, имеют особое право на насилие и шантаж. Как уже упоминалось, информантки часто называли их «осужденные менты», подчерки-

вая, что администрация, назначая женщину бугром, снимает с себя ответственность за творящееся насилие. «Осужденные менты» часто применяли насилие в отношении других заключенных, и оно игнорировалось администрацией:

Они [бугры] же привыкли, что им все всё, никто ничего там не отказывается, все для них. А бугры там, кто там, менты их ставят. В женской колонии конкретно любая там власть – это менты. Менты по зоне вообще не ходят практически. Так только для, ну как, для галочки. [. . .] А зачем, там свои же осужденные, менты похлеще, чем, ну как вот та же бугор, она сразу и бегаёт сливает там (Евгения, Караганда, 37 лет).

Другой статусной позицией, но ниже по рангу, чем бугор, являются так называемые вязаные, упоминание которых встречалось в интервью с казахстанками. Вязаные – это женщины с повязками СДП⁸. Они контролируют соблюдение правил внутреннего распорядка в отрядах (уборка постели, форма, дисциплина и пр.). Основная их задача – фиксировать нарушения устава другими заключенными, например, нарушения формы одежды, при уборке постели, нарушения по перемещениям в локальных зонах, в карантине. СДП дают заключенной возможность подняться во внутренней иерархии колонии и получать привилегии в обмен на надзирательство за другими женщинами. Вязаные так же, как бугры и завхозы, создают свои властные паттерны в отношении других заключенных – одних выделяют и не замечают их нарушения, других жестко штрафуют или даже шантажируют нарушениями, но чаще всего их статус в иерархии находится немного ниже, чем у бригадира. Так, бывшая заключенная Диана из Астаны рассказывает, как вязаные прощали ей нарушения из-за того, что у нее был покровитель в лице бригадира отряда:

Даже если у нас, например, передвижения с отряда в отряд не положено было, ну из барака в барак. Я ходила, да, и меня вязаные никогда не записывали, потому что была бы проблема у них. А им жить, в барак приходиться мой, и бригадир бы. . . Ну в каждом отряде есть бригадир, и в плане того, что потом бригадир бы загасила ее (Диана, Астана, 48 лет).

Итак, элиты в колонии получают право управлять от лица администрации и выстраивать собственные властные структуры и паттерны в отношении других заключенных. Как утверждала информантка в одной из приведенных цитат, «администрация, инспектора плясали под мою дудку», то есть она могла самостоятельно управлять при номинальном значении администрации – вводить собственные властные паттерны в отношении других заключенных и таким образом выстраивать структуры в колонии.

---

⁸ СДП – секции дисциплины и порядка, добровольные объединения осужденных в Казахстане. В России до середины 2000-х гг. в женских колониях тоже существовали секции дисциплины и порядка, но были отменены. В Казахстане они существуют до сих пор как практика поддержания внутреннего порядка, но фактически являются пережитком советских тюрем и ГУЛАГа.

УРОВЕНЬ «БЛАТНЫХ СЕРЕДНЯЧКОВ»

Второй уровень блата находится значительно ниже, эта группа заключенных не имеет значительной власти, способна выстраивать только мелкие собственные структуры, тем не менее может иметь блат почти любого рода.

Заключенные женщины из «среднячков» помогают сотрудникам колонии на «средних» позициях – начальники отрядов, руководители небольших структурных единиц колонии (пекарня, клуб и пр.). Также они могут быть включены в разнообразные секции в колонии или занимать «козырные» точечные места работы на редких производствах.

Как уже отмечалось, в России нет СДП, но в российских колониях много других секций, предоставляющих определенные преимущества женщинам, вступающим в них. Информантка Валентина из Ухты рассказывает, что попала в «актив» – самую масштабную по количеству мест и наиболее влиятельную секцию в колонии. Женщина была личным секретарем начальницы отряда – вела протоколы собраний, фиксировала нарушения и поощрения в отрядах, заполняла личные дела других осужденных, занималась художественно-оформительской работой в отряде. В качестве поощрения за работу заключенная получила хорошее спальное место на первом этаже двухэтажной кровати. Эти места считаются наиболее удобными, на них «селят» только заключенных с высоким статусом:

И вот ты ходишь по отрядам, эти таблицы заполняешь, все красиво пишешь, и, значит, я говорю: «Ладно, буду писать». И меня она научила в трехдневный срок научилась и стала у нашей начальницы. . . даже велись эти собрания, я протоколы собрания составляла, все, что там по собранию говорилось, личные дела заполняла, вообще просто доступ ко всему имела. И к документам. И все, у меня, конечно, мне сразу все льготы, меня положили на первый этаж [нижний ярус двухъярусной кровати]. И никто меня не трогает, свободный график (Валентина, Ухта, 36 лет).

Схожими функциями, что у секции актива, обладают дневальные, находящиеся по положению ниже заключенной, ответственной за отряд (в Казахстане их называют старшинами). Они решают проблемы за бригадиров (завхозов, председателей). Помимо этого дневальные могут, например, вымогать деньги у заключенных на ремонты:

Начальник колонии, например, вызывает вот эту свою правую руку [из числа заключенных], которая тянет дневальную отряда, и говорит: «Нужно тебе в отряде, там, сделать ремонт – поставить пять душей, выложить кафель, поменять пол, потолок, покрасить стены». Ну, то есть как бы полностью отремонтировать здание. Понятно. Дневальный – где взять денег? Она начинает напрягать отряд, там, либо давайте скинемся или еще как-то (Ирина, Санкт-Петербург, 39 лет).

Также в функционал дневальных/старшин входит контроль за чистотой в помещениях, перемещениями заключенных в отряде.

Дневальные (или занимающие аналогичные им должности) ближе к народу, их проще подкупить. Соответственно, это тоже некоторое положение в колонии, определенная свобода и возможность вводить собственные властные паттерны в

отношении других заключенных. Стоит отметить, что эти паттерны ограничиваются крайне узкой сферой, за которую ответственна заключенная. Диана, например, выстроила свои структуры в каптерке:

У меня в лагере, например, прислушивались, в отряде прислушивались. Я там просидела каптерщицей весь срок, на каптерке. Каптерка – это знаете, короче, место, где. . . я заезжаю в барак, отряд – там вещи все лежат. И в каптерку не каждого подпустят, потому что были такие случаи, что где-то кто-то у кого-то скрысил [украл] или еще что-то, не без этого. А в каптерке меня прислушивались и знали, что ни у кого ничего не пропадет. [. . .] Да, я просто открывала каптерку и все, по времени. А если им надо пораньше открыть, я за энную сумму им ее открывала (Диана, Астана, 48 лет).

Аналогично могут поступать дневальные, ответственные за барак, или другие работники узких производств.

В женских колониях России и Казахстана есть узкоспециализированные престижные производства. Колонии в хозяйственном плане обеспечивают себя. Электрики, сантехники, парикмахеры, различная хозяйственная обслуга вроде работников столовых, бань, пекарен, подобного же рода мелкие должности в администрации, нянечки в Домах малютки при колониях – все эти должности заняты людьми из числа заключенных. Эти небольшие по штату и редкие для колонии хозяйства являются ресурсными не столько в денежном отношении, сколько исходя из возможностей получения блага и некоторой власти над другими. Работа подобного рода считается престижной, поскольку узкие специалисты ценятся администрацией:

Вот и есть как бы еще точечные работы, они называются «точечные» – это маленькие бригады, которые не на швейном производстве, это бригады электриков, это пожарная часть, это, значит, бригада сантехников, бригада строителей. Ну, вот какие-то такие. [. . .] Их не трогает дежурная смена, не трогают в том плане, что их не обыскивают, ну так, для видимости. У них, то есть это люди, если ты попадаешь – ты защищен от взысканий (Ирина, Санкт-Петербург, 39 лет).

Ради такой работы заключенные на точечном производстве даже готовы сами вкладываться материально в покупку оборудования, которого нет в колонии. Женщины рассказывали, как покупали, например, парикмахерские принадлежности, музыкальные инструменты, станки и прочее, чтобы занять ту или иную вакантную должность.

Верхние ступени иерархий (бугры, вязаные, завхозы), получая престиж, блага и иногда сравнительно высокую плату за труд, «подтягивают» к себе своих друзей, возлюбленных, помощников по хозяйству («помогалок»⁹), таким образом

---

⁹ Помогалками (жарг.) называют помощников по хозяйству, которым платят чаще всего сигаретами или продуктами питания из личных посылок. Все обладающие возможностями (чаще всего завхозы, вязаные, бугры, но также и представители второго, среднего, уровня, и даже те, кто получает материальную поддержку со стороны близких) стараются нанимать помогалок.

формируя свои ближние круги в бараке – так называемые свиты. Включенные в ближний круг бугра, например, имеют более высокий статус внутри отряда или барака, однако не обладают всеми правами и властью бригадира. Попасть в свиту к бригадиру хотят многие заключенные. Охотно в свиту принимают «ресурсных» женщин, которые на воле имеют хорошее финансовое положение или обеспеченных родственников, регулярно передающих посылки. Здесь также оказываются и не имеющие ресурса заключенные, готовые прислуживать покровителю:

Многие хотят просто есть, поэтому прогибаются под тех, у кого есть, что есть. Те ими пользуются, завоевывают какую-то дешевую популярность, да. Большинство чаще всего жмутся к бригадирам, которые любят создавать вокруг себя свиту, да, которая состоит, как правило, из ее половины, сожительницы. [. . .] Из какой-нибудь там помогайки, которая в общем-то все делает, ну и чисто товарищей, которые подпевают и, если что, будут как бы поддерживать во всем, чисто вот во всех решениях, даже если они не нравятся. Главное – чтобы задницу лизали и хвалили (Галина, Москва, 47 лет).

Среднячки в колонии занимают промежуточное положение между основной массой заключенных, работающих на производстве, и заключенными-небожителями. Причастные к этим последним, с одной стороны, имеют блат, делающий жизнь в колонии комфортнее, возможности к действию и волеизъявлению, что можно рассматривать как агенсу, с другой стороны – они ограниченно могут выработать свои властные паттерны и выстраивать неочевидные узкие структуры. Среднячки также могут использовать свое положение для дальнейшего продвижения ближе к администрации.

ИГРА ПРЕСТОЛОВ: ПУТИ К ВЛАСТИ, БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ, УДЕРЖАНИЕ ВЛАСТИ

Большинство назначений на престижные места происходит сверху, от администрации. Это стоит считать внешним паттерном в отношении заключенных, но женщины находят лазейки.

Чтобы попасть на первый уровень *ненасильственным* способом, то есть обратиться на себя внимание администрации, нужно заявить о себе, например, проявить характер и активное действие – как сделала, например, Марина из Томска:

Ну и все, я туда приехала, и меня хотели положить в комнату, где я не хотела лежать, ну и мне говорят: «[Иванова], будешь вот здесь спать». [. . .] Я говорю: «Хочу вот в той комнате спать». Она [начальница отряда] мне говорит: «Че ты самая деловая что ли?». Я говорю: «Нет, не деловая». Говорю: «Че деловые там только спят?» [. . .] И я вышла из карантина, меня сразу поставили завхозом в санчасти – очень хорошая должность (Марина, Томск, 33 года).

Похожая ситуация произошла с казахстанкой, которая стала бригадиром в клубе благодаря своей инициативности, зарекомендовав себя перед начальником

отряда. Стоит уточнить, что, кроме активистской деятельности, заключенная, о которой идет речь, пользуясь хорошей репутацией, тайно «затаскивала» в колонию наркотики, что еще больше повышало ее авторитет:

И вот, то, что я хорошие концерты ставила, начальник отряда меня за это уважала, то-сё, она-то не знала ни про наркотики, ни про что вот это, она всегда думала, что я такая, ну, нормальная, потому что она всегда говорит: «Ты не хочешь этим, бугром отряда быть?» То, что она знала, что я могу вот так всех держать, короче, и рывкнуть – и всё, и меня все. . . Почему, говорит, тебя все слушаются? (Кира, Астана, 46 лет).

Многие хотят попасть в группу тех, кто работает на администрацию. Ненасильственные способы для этого – скорее исключение. Конкуренция очень жесткая, поэтому широко распространены именно насильственные¹⁰ способы получения и удержания власти. Соответственно, все тактики оказываются пригодными. Саму способность к конкуренции и борьбе за положение можно считать агенту заключенных, так как здесь производятся внутренние властные паттерны.

Борьба за власть насильственными методами бывает в нескольких видах. Первый – удержание власти. Женщины, пребывавшие и на высоком уровне иерархии, и на среднем, упоминали постоянную угрозу потерять должность и ресурсы в колонии, поэтому некоторые заключенные предусмотрительно избегают от потенциальных конкурентов. Соответственно, эти конкуренты имеют власть над страхами облеченных властью потерять должность, вынуждая бригадиров «работать на опережение»:

Там бригадир у нас была, [Верка], такая она с [город в Северно-Западном федеральном округе], маленькая, говнистая ужасно. И она тоже, получилось так. Она одну старшую по смене съела, вторую старшую по смене съела. Выгоняет и выгоняет. Всем палки в колеса (Дарья, Ухта, 37 лет).

Швейная фабрика (или другое производство) – особое измерение властных отношений, в котором производятся внутренние и внешние паттерны. Бригадиры должны поставлять администрации выполненные нормативы по пошиву заказа, иначе потеряют эту власть. Это внешние властные паттерны в виде особых условий, на которых администрация дает бригадире особый статус и блат. При этом бригадиры вводят свои внутренние паттерны (нормативы), распространяющиеся на других заключенных. Например, каждой женщине устанавливается норматив по пошиву, бригадир может самостоятельно изменять режимы труда и отдыха заключенной, запретить походы «по нужде» или избить:

---

¹⁰ В данном случае подразумевается прямое физическое насилие: избиения, лишение сна, лишение провинившихся средств гигиены и иные пытки. Также распространено психологическое насилие в виде угроз и запугивания, особенно если речь идет о конкуренции между женщинами за статус.

Бугры – они прям, ну, они прям на «ты» с начальниками. [. . .] Знаешь, идет такая [бригадир], и та [швея] че-то ей буркнула. И та, прикинь, берет, просто разворачивается: «Ты чё?», – говорит. Вот так, прикинь, запрыгивает на стул, прыгает на ленту и с ноги ее вот так вот – пффф [ударила]. . . Прикинь, она улетает просто: «Ты чё, попутала?!» Короче, прикинь, ну, там не то что зашьешь. И представляешь, той девочке дали ШИЗО [наказание в виде пребывания в штрафном изоляторе на определенный срок] – швее, а та просто этот, выговор за нарушение просто там порядочка, даже сутки ей там не дали. Ну, а она, типа, ну, а чё, она говорит: «Вы хотите, если вы требуете норму, я требую ее с них, ну, вот так вот я прошу [вырабатывать нормы]» (Юлия, Томск, 35 лет).

Второй вид – борьба за власть. Те, кто уже имеет блат и позицию в колонии, хотят еще больше ресурсов и власти. Ради должности при администрации женщины из ближнего круга бригадира могут «подставить» своего покровителя:

У меня подружка, семейница [сожительница] моя, была бригадиром строителей. И была такая, назовем, к примеру, Катя. Ну, приходит, говорит: «Возьми меня в бригаду к себе». . . Ну, ладно. Пусть будет. Человек устроился на работу подставить ее и занять ее место. . . Зависть, да, зависть. Знаешь, как объяснить, сдвинуть, ну, как, сдвинуть и, когда вот эта девочка подставила [Милу]. Она выполнила работу, эта девочка побежала к начальнику колонии и сказала, что это сделала я. Не [Мила] залила пол, а сделала я (Александра, Санкт-Петербург, 40 лет).

Заклученные, не имеющие блата, конкурируют за любую позицию, где он есть. Поэтому основная масса заключенных внушает страх всем «блатным» заключенным, держит их в напряжении и отчасти даже страхе:

Информант: Там и подкидывали [запрещенные предметы] тебе. И ложишься спать, и прежде чем спать лечь, чтобы у меня ночной обход случайно что-нибудь не нашел, вначале все обшаришь, чтобы у тебя не было ничего лишнего. Не дай бог.

Интервьюер: А зачем подкидывали. . . в плане?

Информант: А убирали. Места то козырные. Пекарня. (Дарья, Ухта, 37 лет)

Конкуренцию и борьбу за власть в колонии тоже можно считать формой тюремного агеусу. Женщины, стремящиеся удержать свою власть, производят паттерны в отношении других заключенных – нормы и правила распорядка, мелкие и крупные структуры власти и подчинения. Женщины, которые борются за власть, тоже способны к действию. Причем за власть борются фактически все – и те, кто не имеет никакого статуса, и те, кто уже имеет, но хочет быть еще выше и ближе к администрации.

ДИСКУССИЯ

В заключение можно сказать, что существуют довольно разные формы агенсу заключенных. Как я отмечала, фокусировка на борьбе заключенных с режимом в понимании тюремного агенсу больше характерна для западной традиции пенологии. Я пишу о постсоветских системах, где нужна уточненная оптика и настолько пристальное внимание к внутренним режимам и структурам, насколько это возможно при изучении вопроса в столь закрытой системе. Пенитенциарные системы России и Казахстана развиваются по различным векторам, однако структурно имеют ряд общих перенятых от ГУЛАГа практик поддержания порядка, о которых было сказано выше. Замысел этой статьи в том, чтобы показать, что эти практики не просто до сих пор влияют на организацию и поддержание внутреннего порядка в женской тюрьме, но и производят отличные от западных тюрем схожие структуры и агенсу заключенных.

Я также хочу подчеркнуть, что женская колония вовсе не является пространством бездействия, каким она предстает в контексте виктимизированного взгляда на тюрьму. Это, без сомнения, пространство насилия, антигуманности, но не отсутствия воли. Даже возможность насилия (в данном случае далеко не всегда физического) в среде заключенных может быть рассмотрена как агентное действие. Пожалуй, как и сопротивление власти, насилие – это универсальный тип агенсу в женской постсоветской колонии, которым точно могут пользоваться все, кто хочет получить больше блага. Другие типы агенсу несколько ограничены для основной массы заключенных. Правом на тело обладают женщины, имеющие статус. Причем заключенные первого уровня обладают им как данностью (и в этом смысле живут почти как на воле), пока занимают свою должность. Заключенные второго уровня пользуются этим правом как привилегией, отличающей их от основной массы. Создавать собственные властные паттерны (и структуры) могут также женщины, приближенные к администрации. Так называемые небожительницы распространяют свои порядки на всю колонию или значительную ее часть. Структуры, которые они создают и изменяют, становятся важной частью быта в колонии. Женщины из середнячков тоже могут вводить свои порядки и создавать небольшие структуры, но очень ограниченно, в пределах своей зоны ответственности на производстве или в отдельной зоне барака.

Итак, постсоветские тюрьмы выглядят обособленными кейсами, однако я акцентирую внимание на том, что они могут быть рассмотрены в логике модифицированной западной традиции понимания агенсу (и тюрьмы в целом), в которую следует вписать не только объединяющее наследие ГУЛАГа, но также и уникальный путь, пройденный двумя государствами после распада СССР. В рамках данной статьи мною не обсуждались текущие режимы правоприменения и иные юридические нюансы, статистические данные, я фокусировалась именно на субъективных женских переживаниях, связанных с телесным опытом, а также на рассмотрении властных притязаний женщин. Однако продолжением дискуссии, на мой взгляд, должно стать обсуждение того, как отличия постсоветских систем и их уникальный путь уточняют предложенный вариант агенсу или производят его новые типы, о которых я не упомянула. Я думаю, что данный подход может найти место в постколониальном взгляде на тюрьму, которого, как мне кажется, пока недостает в исследованиях по этой теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Олейник, Антон. 2001. *Тюремная субкультура в России*. М.: Инфра-М.
- Омельченко, Елена, ред. 2012. *До и после тюрьмы. Женские истории*. СПб.: Алетейя.
- Омельченко, Елена. 2016. «Красные и черные: гендерное измерение структур различия и исключения в мужских колониях». *Журнал социологии и социальной антропологии* 19(2):142–159.
- Balfour, Gillian. 2018. "Searching Prison Cells and Prisoner Bodies: Redacting Carceral Power and Glimpsing Gendered Resistance in Women's Prisons." *Criminology & Criminal Justice* 18(2):139–155. <https://doi.org/10.1177/1748895817706719>.
- Bosworth, Mary. 1996. "Resistance and Compliance in Women's Prisons: Towards a Critique of Legitimacy." *Critical Criminology* 7(2):5–19.
- Bosworth, Mary. 1999. *Engendering Resistance: Agency and Power in Women's Prisons*. 1st ed. London: Routledge.
- Bosworth, Mary, and Eamonn Carrabine. 2001. "Reassessing Resistance: Race, Gender and Sexuality in Prison." *Punishment & Society* 3(4):501–515. <https://doi.org/10.1177/14624740122228393>.
- Carlen, Pat. 1983. *Women's Imprisonment: A Study in Social Control*. 1st ed. London: Routledge.
- Carrabine, Eamonn. 2005. "Prison Riots, Social Order and the Problem of Legitimacy." *British Journal of Criminology* 45(6):896–913. <https://doi.org/10.1093/bjc/azi052>.
- Crewe, Ben. 2007. "Power, Adaptation and Resistance in a Late-Modern Men's Prison." *British Journal of Criminology* 47(2):256–275. <https://doi.org/10.1093/bjc/azl044>.
- Fili, Andriani. 2013. "Women in Prison: Victims or Resisters? Representations of Agency in Women's Prisons in Greece." *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 39(1):1–26. <http://doi.org/10.1086/670862>.
- Foucault, Michel. [1977] 1995. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage Books.
- Ghorashi, Halleh, Marije de Boer, and Floor Ten Holder. 2018. "Unexpected Agency on the Threshold: Asylum Seekers Narrating from Asylum Seeker Centre." *Current Sociology* 66(3):373–391. <https://doi.org/10.1177/0011392117703766>.
- Giddens, Anthony. 1979. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: University of California Press.
- Giddens, Anthony. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley: University of California Press.
- Goffman, Erving. 2007. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. 1st ed. New York: Routledge.
- Gorga, Allison. 2017. "'Kinda Like a Man and a Woman Thing': The Construction and Reification of Gender Hegemony in a Women's Prison." *Social Currents* 4(5):413–428. <https://doi.org/10.1177/2329496516686617>.
- King, Angela. 2004. "The Prisoner of Gender: Foucault and the Disciplining of the Female Body." *Journal of International Women's Studies* 5(2):29–39.
- Kruttschnitt, Candace, and Rosemary Gartner. 2005. *Marking Time in the Golden State: Women's Imprisonment in California*. New York: Cambridge University Press.
- Liu, Liu, Wing H. Chui, and Yiqian Hu. 2020. "Make Sense of Self in Prison Work: Stigma, Agency, and Temporality in a Chinese Women's Prison." *Asian Journal of Criminology* 15(2):123–139. <https://doi.org/10.1007/s11417-019-09298-9>.
- Malloch, Margaret S. 1999. "Drug Use, Prison, and the Social Construction of Femininity." *Women's Studies International Forum* 22(3):349–358. [https://doi.org/10.1016/S0277-5395\(99\)00031-X](https://doi.org/10.1016/S0277-5395(99)00031-X).
- Mehta, Rimple. 2014. "So Many Ways to Love You/Self: Negotiating Love in a Prison." *International Feminist Journal of Politics* 16(2):181–198. <https://doi.org/10.1080/14616742.2014.912915>.
- Miller, Teresa A. 2000. "Sex & Surveillance: Gender, Privacy & the Sexualization of Power in Prison." *George Mason University Civil Rights Law Journal* 10(2):291–356.

- Miller, Teresa A. 2001. "Keeping the Government's Hands off Our Bodies: Mapping a Feminist Legal Theory Approach to Privacy in Cross-Gender Prison Searches." *Buffalo Criminal Law Review* 4(2):861–889.
- Moore, Linda, and Phil Scraton. 2014. *The Incarceration of Women: Punishing Bodies, Breaking Spirits*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Moran, Dominique. 2014. "Leaving Behind the 'Total Institution'? Teeth, Transcarceral Spaces and (Re)Inscription of the Formerly Incarcerated Body." *Gender, Place & Culture* 21(1):35–51. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2012.759906>.
- Moran, Dominique, Judith Pallot, and Laura Piacentini. 2009. "Lipstick, Lace and Longing: Constructions of Femininity inside a Russian Prison." *Environment and Planning D: Society and Space* 27(4):700–720. <https://doi.org/10.1068/d7808>.
- Moran, Dominique, Judith Pallot, and Laura Piacentini. 2013. "Privacy in Penal Space: Women's Imprisonment in Russia." *Geoforum* 47:138–146. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2013.01.002>.
- O'Keefe, Theresa. 2006. "Menstrual Blood as a Weapon of Resistance." *International Feminist Journal of Politics* 8(4):535–556. <https://doi.org/10.1080/14616740600945123>.
- Omelchenko, Elena. 2016. "Gender, Sexuality, and Intimacy in a Women's Penal Colony in Russia." *Russian Sociological Review* 15(4):76–95. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-76-95>.
- Pallot, Judith. 2005. "Russia's Penal Peripheries: Space, Place and Penalty in Soviet and Post-Soviet Russia." *Transactions of the Institute of British Geographers* 30(1):98–112. <https://doi.org/10.1111/j.1475-5661.2005.00154.x>.
- Pallot, Judith. 2015. "The Topography of Incarceration: The Spatial Continuity of Penalty and the Legacy of the Gulag in Twentieth- and Twenty-First-Century Russia." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 7(1):26–50.
- Pallot, Judith, Laura Piacentini, and Dominique Moran. 2012. *Gender, Geography, and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia*. Oxford: Oxford University Press.
- Pollock-Byrne, Joycelyn M. 1990. *Women, Prison and Crime*. Pacific Grove, CA: Brooks.
- Poole, Marshall S., David R. Seibold, and Robert D. McPhee. 1985. "Group Decision-Making as a Structural Process." *Quarterly Journal of Speech* 71(1):74–102. <https://doi.org/10.1080/00335638509383719>.
- Reiter, Keramet. 2014. "The Pelican Bay Hunger Strike: Resistance within the Structural Constraints of a US Supermax Prison." *South Atlantic Quarterly* 113(3):579–611. <https://doi.org/10.1215/00382876-2692191>.
- Richie, Beth E. 1995. "Stigma, Stereotypes, and Gender Entrapment: Violence against Women and Poverty." *Georgetown Journal on Fighting Poverty* 3(1):35–38.
- Rowe, Abigail. 2011. "Narrative of Self and Identities in Women's Prisons: Stigma and Struggle for Self-Identity in Penal Regimes." *Punishment & Society* 13(5):571–591. <https://doi.org/10.1177/1462474511422151>.
- Rowe, Abigail. 2016. "Tactics, Agency and Power in Women's Prison." *British Journal of Criminology* 56(2):332–349. <https://doi.org/10.1093/bjc/azv058>.
- Rubin, Ashley T. 2015. "Resistance or Friction: Understanding the Significance of Prisoners' Secondary Adjustments." *Theoretical Criminology* 19(1):23–42. <https://doi.org/10.1177/1362480614543320>.
- Rubin, Ashley T. 2017. "Resistance as Agency? Incorporating the Structural Determinants of Prisoner Behaviour." *British Journal of Criminology* 57(3):644–663. <https://doi.org/10.1093/bjc/azw003>.
- Rubin, Jeffrey W. 1996. "Defining Resistance: Contested Interpretations of Everyday Acts." *Studies in Law, Politics, and Society* 15:237–260.
- Scraton, Phil. 2016. "Bearing Witness to the 'Pain of Others': Researching Power, Violence and Resistance in a Women's Prison." *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy* 5(1):5–20. <https://doi.org/10.5204/ijcjsd.v5i1.288>.

- Sewell, William H. 1992. “A Theory of Structure: Duality, Agency, and Transformation.” *American Journal of Sociology* 98(1):1–29.
- Sparks, Richard, Anthony Bottoms, and Will Hay. 1996. *Prisons and the Problem of Order*. Oxford: Clarendon Press.
- Symkovych, Anton. 2020. “Negative Visibility and ‘the Defences of the Weak’: The Interplay of a Managerial Culture and Prisoner Resistance.” *Theoretical Criminology* 24(2):202–221. <https://doi.org/10.1177/1362480618779404>.
- Touraine, Alain, and Anton N. Oleinik. 2003. *Organized Crime, Prison and Post-Soviet Societies*. 1st ed. London: Routledge.
- Ugelvik, Thomas. 2011. “The Hidden Food: Mealtime Resistance and Identity Work in a Norwegian Prison.” *Punishment & Society* 13(1):47–63. <https://doi.org/10.1177/1462474510385630>.
- Ugelvik, Thomas. 2014. *Power and Resistance in Prison: Doing Time, Doing Freedom*. London: Palgrave Macmillan.
- Wahidin, Azrini. 2019. “Menstruation as a Weapon of War: The Politics of the Bleeding Body for Women on Political Protest at Armagh Prison, Northern Ireland.” *The Prison Journal* 99(1):112–131. <https://doi.org/10.1177/0032885518814730>.
- Wahidin, Azrini, and Shirley Tate. 2005. “Prison (e)Scapes and Body Tropes: Older Women in the Prison Time Machine.” *Body & Society* 11(2):59–79. <https://doi.org/10.1177/1357034X05052462>.
- Zanin, Alaina C., and Cameron W. Piercy. 2019. “The Structuration of Community-Based Mental Health Care: A Duality Analysis of a Volunteer Group’s Local Agency.” *Qualitative Health Research* 29(2):184–197. <https://doi.org/10.1177/1049732318786945>.

THE “ROUGE” IS TOO ROGUE: POWER WORLDS IN WOMEN’S PENAL COLONIES OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Irina Lisovskaya

Irina Lisovskaya, Centre for Youth Studies, Department of Sociology, HSE University (Saint Petersburg). Address for correspondence: HSE University, ul. Soiuz Pechatnikov, 16, Saint Petersburg, 190121, Russia. ilisovskaya@hse.ru.

This article examines two of the largest and very similar penitentiary systems of the former Soviet Union—in Russia and Kazakhstan—in the context of exploring the power dimensions of contemporary women’s prisons. Through the prism of women’s experiences of imprisonment, the author analyses the internal hierarchies among women prisoners who have authority and power in their penal colony, which was delegated to them by the administration of the carceral institution to maintain order. The aim of this article is to show how in the struggle for power women create an internal order with its mechanisms for gaining, retaining, and redistributing authority, as well as to describe what role female corporeality plays in the prison’s dimensions of power. Prison studies have examined prisoners’ agency predominantly in the context of resistance to the prison’s regime. Drawing on a gender approach and the Foucauldian tradition of understanding the nature of power in prison, the article analyses the types of agency that do not fit into this understanding of resistance to prison authorities. The article is based on 29 in-depth interviews with former female prisoners (19 from Russia and 10 from Kazakhstan) who had witnessed important transformations of incarceration regimes in the

penitentiary systems of Russia and Kazakhstan in the late 2000s and 2010s. The author identifies several types of agency available to incarcerated women, which are determined by the internal inequalities among prisoners collaborating with the prison administration.

Keywords: Agency; Prisoners; Women in Prison; Female Body; Power Structures

REFERENCES

- Balfour, Gillian. 2018. "Searching Prison Cells and Prisoner Bodies: Redacting Carceral Power and Glimpsing Gendered Resistance in Women's Prisons." *Criminology & Criminal Justice* 18(2):139–155. <https://doi.org/10.1177/1748895817706719>.
- Bosworth, Mary. 1996. "Resistance and Compliance in Women's Prisons: Towards a Critique of Legitimacy." *Critical Criminology* 7(2):5–19.
- Bosworth, Mary. 1999. *Engendering Resistance: Agency and Power in Women's Prisons*. 1st ed. London: Routledge.
- Bosworth, Mary, and Eamonn Carrabine. 2001. "Reassessing Resistance: Race, Gender and Sexuality in Prison." *Punishment & Society* 3(4):501–515. <https://doi.org/10.1177/14624740122228393>.
- Carlen, Pat. 1983. *Women's Imprisonment: A Study in Social Control*. 1st ed. London: Routledge.
- Carrabine, Eamonn. 2005. "Prison Riots, Social Order and the Problem of Legitimacy." *British Journal of Criminology* 45(6):896–913. <https://doi.org/10.1093/bjc/azi052>.
- Crewe, Ben. 2007. "Power, Adaptation and Resistance in a Late-Modern Men's Prison." *British Journal of Criminology* 47(2):256–275. <https://doi.org/10.1093/bjc/azl044>.
- Fili, Andriani. 2013. "Women in Prison: Victims or Resisters? Representations of Agency in Women's Prisons in Greece." *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 39(1):1–26. <http://doi.org/10.1086/670862>.
- Foucault, Michel. [1977] 1995. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage Books.
- Ghorashi, Halleh, Marije de Boer, and Floor ten Holder. 2018. "Unexpected Agency on the Threshold: Asylum Seekers Narrating from Asylum Seeker Centre." *Current Sociology* 66(3):373–391. <https://doi.org/10.1177/0011392117703766>.
- Giddens, Anthony. 1979. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: University of California Press.
- Giddens, Anthony. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley: University of California Press.
- Goffman, Erving. 2007. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. 1st ed. New York: Routledge.
- Gorga, Allison. 2017. "'Kinda Like a Man and a Woman Thing': The Construction and Reification of Gender Hegemony in a Women's Prison." *Social Currents* 4(5):413–428. <https://doi.org/10.1177/2329496516686617>.
- King, Angela. 2004. "The Prisoner of Gender: Foucault and the Disciplining of the Female Body." *Journal of International Women's Studies* 5(2):29–39.
- Kruttschnitt, Candace, and Rosemary Gartner. 2005. *Marking Time in the Golden State: Women's Imprisonment in California*. New York: Cambridge University Press.
- Liu, Liu, Wing H. Chui, and Yiqian Hu. 2020. "Make Sense of Self in Prison Work: Stigma, Agency, and Temporality in a Chinese Women's Prison." *Asian Journal of Criminology* 15(2):123–139. <https://doi.org/10.1007/s11417-019-09298-9>.
- Malloch, Margaret S. 1999. "Drug Use, Prison, and the Social Construction of Femininity." *Women's Studies International Forum* 22(3):349–358. [https://doi.org/10.1016/S0277-5395\(99\)00031-X](https://doi.org/10.1016/S0277-5395(99)00031-X).
- Mehta, Rimple. 2014. "So Many Ways to Love You/Self: Negotiating Love in a Prison." *International Feminist Journal of Politics* 16(2):181–198. <https://doi.org/10.1080/14616742.2014.912915>.

- Miller, Teresa A. 2000. "Sex & Surveillance: Gender, Privacy & the Sexualization of Power in Prison." *George Mason University Civil Rights Law Journal* 10(2):291–356.
- Miller, Teresa A. 2001. "Keeping the Government's Hands off Our Bodies: Mapping a Feminist Legal Theory Approach to Privacy in Cross-Gender Prison Searches." *Buffalo Criminal Law Review* 4(2):861–889.
- Moore, Linda, and Phil Scraton. 2014. *The Incarceration of Women: Punishing Bodies, Breaking Spirits*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Moran, Dominique. 2014. "Leaving Behind the 'Total Institution'? Teeth, Transcarceral Spaces and (Re)Inscription of the Formerly Incarcerated Body." *Gender, Place & Culture* 21(1):35–51. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2012.759906>.
- Moran, Dominique, Judith Pallot, and Laura Piacentini. 2009. "Lipstick, Lace and Longing: Constructions of Femininity inside a Russian Prison." *Environment and Planning D: Society and Space* 27(4):700–720. <https://doi.org/10.1068/d7808>.
- Moran, Dominique, Judith Pallot, and Laura Piacentini. 2013. "Privacy in Penal Space: Women's Imprisonment in Russia." *Geoforum* 47:138–146. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2013.01.002>.
- O'Keefe, Theresa. 2006. "Menstrual Blood as a Weapon of Resistance." *International Feminist Journal of Politics* 8(4):535–556. <https://doi.org/10.1080/14616740600945123>.
- Oleinik, Anton. 2001. *Tiuremnaia subkul'tura v Rossii*. Moscow: Infra-M.
- Omelchenko, Elena, ed. 2012. *Do i posle tiur'my: Zhenskii istorii*. Saint Petersburg, Russia: Aletheia.
- Omelchenko, Elena. 2016. "Gender, Sexuality, and Intimacy in a Women's Penal Colony in Russia." *Russian Sociological Review* 15(4):76–95. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-76-95>.
- Omelchenko, Elena. 2016. "Krasnye i chernye: Gendernoe izmerenie struktur razlichii i isklucheniia v muzhskikh koloniiakh." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 19(2):143–159.
- Pallot, Judith. 2005. "Russia's Penal Peripheries: Space, Place and Penalty in Soviet and Post-Soviet Russia." *Transactions of the Institute of British Geographers* 30(1):98–112. <https://doi.org/10.1111/j.1475-5661.2005.00154.x>.
- Pallot, Judith. 2015. "The Topography of Incarceration: The Spatial Continuity of Penalty and the Legacy of the Gulag in Twentieth- and Twenty-First-Century Russia." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 7(1):26–50.
- Pallot, Judith, Laura Piacentini, and Dominique Moran. 2012. *Gender, Geography, and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia*. Oxford: Oxford University Press.
- Pollock-Byrne, Joycelyn M. 1990. *Women, Prison and Crime*. Pacific Grove, CA: Brooks.
- Poole, Marshall S., David R. Seibold, and Robert D. McPhee. 1985. "Group Decision-Making as a Structural Process." *Quarterly Journal of Speech* 71(1):74–102. <https://doi.org/10.1080/00335638509383719>.
- Reiter, Keramet. 2014. "The Pelican Bay Hunger Strike: Resistance within the Structural Constraints of a US Supermax Prison." *South Atlantic Quarterly* 113(3):579–611. <https://doi.org/10.1215/00382876-2692191>.
- Richie, Beth E. 1995. "Stigma, Stereotypes, and Gender Entrapment: Violence against Women and Poverty." *Georgetown Journal on Fighting Poverty* 3(1):35–38.
- Rowe, Abigail. 2011. "Narrative of Self and Identities in Women's Prisons: Stigma and Struggle for Self-Identity in Penal Regimes." *Punishment & Society* 13(5):571–591. <https://doi.org/10.1177/1462474511422151>.
- Rowe, Abigail. 2016. "Tactics, Agency and Power in Women's Prison." *British Journal of Criminology* 56(2):332–349. <https://doi.org/10.1093/bjc/azv058>.
- Rubin, Ashley T. 2015. "Resistance or Friction: Understanding the Significance of Prisoners' Secondary Adjustments." *Theoretical Criminology* 19(1):23–42. <https://doi.org/10.1177/1362480614543320>.
- Rubin, Ashley T. 2017. "Resistance as Agency? Incorporating the Structural Determinants of Prisoner Behavior." *British Journal of Criminology* 57(3):644–663. <https://doi.org/10.1093/bjc/azw003>.

- Rubin, Jeffrey W. 1996. "Defining Resistance: Contested Interpretations of Everyday Acts." *Studies in Law, Politics, and Society* 15:237–260.
- Scraton, Phil. 2016. "Bearing Witness to the 'Pain of Others': Researching Power, Violence and Resistance in a Women's Prison." *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy* 5(1):5–20. <https://doi.org/10.5204/ijcjsd.v5i1.288>.
- Sewell, William H. 1992. "A Theory of Structure: Duality, Agency, and Transformation." *American Journal of Sociology* 98(1):1–29.
- Sparks, Richard, Anthony Bottoms, and Will Hay. 1996. *Prisons and the Problem of Order*. Oxford: Clarendon Press.
- Symkovych, Anton. 2020. "Negative Visibility and 'the Defences of the Weak': The Interplay of a Managerial Culture and Prisoner Resistance." *Theoretical Criminology* 24(2):202–221. <https://doi.org/10.1177/1362480618779404>.
- Touraine, Alain, and Anton N. Oleinik. 2003. *Organized Crime, Prison and Post-Soviet Societies*. 1st ed. London: Routledge.
- Ugelvik, Thomas. 2011. "The Hidden Food: Mealtime Resistance and Identity Work in a Norwegian Prison." *Punishment & Society* 13(1):47–63. <https://doi.org/10.1177/1462474510385630>.
- Ugelvik, Thomas. 2014. *Power and Resistance in Prison: Doing Time, Doing Freedom*. London: Palgrave Macmillan.
- Wahidin, Azrini. 2019. "Menstruation as a Weapon of War: The Politics of the Bleeding Body for Women on Political Protest at Armagh Prison, Northern Ireland." *The Prison Journal* 99(1):112–131. <https://doi.org/10.1177/0032885518814730>.
- Wahidin, Azrini, and Shirley Tate. 2005. "Prison (e)Scapes and Body Tropes: Older Women in the Prison Time Machine." *Body & Society* 11(2):59–79. <https://doi.org/10.1177/1357034X05052462>.
- Zanin, Alaina C., and Cameron W. Piercy. 2019. "The Structuration of Community-Based Mental Health Care: A Duality Analysis of a Volunteer Group's Local Agency." *Qualitative Health Research* 29(2):184–197. <https://doi.org/10.1177/1049732318786945>.